

**ДОЙМЗЛАНД (DEUMELAND)  
против ГЕРМАНИИ**

*Судебное решение от 29 мая 1986 г.*

**КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ  
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА**

***А. Основные факты***

Заявитель г-н Клаус Дитер Доймеланд родился в 1940 г. в Берлине. В качестве правопреемника своей матери (которая умерла в декабре 1976 г.) он продолжил судебное дело, начатое ею. Г-жа Доймеланд добивалась предоставления ей дополнительной пенсии в связи со смертью мужа, утверждая, что ее муж, бывший земельный служащий, умер в марте 1970 г. в результате несчастного случая на производстве: в январе 1970 г., возвращаясь после консультации у врача, он поскользнулся на покрытом снегом тротуаре и сломал шейку бедра левой ноги.

25 октября 1972 г. Социальный суд Белина по первой инстанции отклонил иск г-жи Доймеланд, посчитав, что этот несчастный случай нельзя рассматривать как происшедший на производстве или по пути на работу или с работы домой. Берлинский апелляционный социальный суд от 14 августа 1973 г. оставил это решение в силе.

13 марта 1975 г. Федеральный социальный суд отменил последнее решение и направил дело на новое рассмотрение в Апелляционный социальный суд Берлина, который 16 января 1979 г. вновь отказал в иске и в разрешении на жалобу по вопросам права.

Г-н Доймеланд безуспешно оспаривал это решение в Федеральном социальном суде и в Федеральном Конституционном Суде. Он просил Берлинский апелляционный суд вновь вернуться к делу, но его просьба была отклонена 6 августа 1981 г. 23 ноября 1981 г. Федеральный социальный суд отклонил жалобу заявителя по вопросам права на это решение.

***В. Разбирательство в Комиссии по правам человека***

В жалобе поданной в Комиссию 15 апреля 1981 г. заявитель утверждал, что было нарушено его право на справедливое судебное разбирательство и разумный срок в смысле статьи 6 п. 1 Конвенции. Жалоба была объявлена приемлемой 15 ноября 1983 г.

В своем докладе Комиссия установила факты и пришла к выводу, что статья 6 п. 1 не подлежит применению к обстоятельствам настоящего дела и соответственно нарушения статьи 6 п. 1 не было (восемь голосов против шести).

Комиссия передала дело в Суд 12 октября 1984 г.

## ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

### ВОПРОСЫ ПРАВА

#### *1. Предполагаемое нарушение статьи 6 п. 1*

58. Статья 6 п. 1 гласит:

“Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей... на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...”

Заявитель утверждал, что в немецких социальных судах его дело не нашло справедливого рассмотрения в разумный срок.

Первая проблема, которую предстоит решить, касается применимости статьи 6 п. 1 т. к. именно этот вопрос оспаривается большинством членов Комиссии и Правительством.

#### *А. О применимости статьи 6 п. 1*

##### *1. О наличии судебного спора о праве*

59. Относительно существования “спора” по поводу права Суд хотел бы обратиться к принципам, сформулированным в его судебной практике и суммированным в решении по делу Бентема от 23 октября 1985 г. (Серия А, т. 97, с. 14—15, п. 32).

Из настоящего дела ясно следует, что судебный спор возник с началом процесса в Берлинском социальном суде 16 июня 1970 г.; он был подлинным и серьезным и касался самого наличия права на дополнительное пособие в случае смерти застрахованного супруга на чем настаивала г-жа Доймеланд. Исход соответствующего разбирательства мог привести — и в данном случае привел — к подтверждению оспариваемого решения, а именно отказу земли Берлин предоставить пенсию; это решение было исходным.

Теперь Суду предстоит решить вопрос о праве г-жи Доймеланд на пенсию.

##### *2. О гражданско-правовом характере спорного права*

#### *(а) Введение*

60. Согласно сложившейся практике Суда понятие “гражданские права и обязанности” не может толковаться исключительно в свете внутреннего права государства-ответчика” (см. решение по делу Кёнига от 28 июня 1978 г., Серия А, т. 27, с. 29—30, п. 88—89).

Статья 6 охватывает не только частноправовые споры в традиционном смысле, т. е. споры между физическими лицами или между частным лицом и государством, в той мере, в какой последнее выступает как субъект гражданского права, а не как носитель публичной власти. “Характер законодательства, которое определяет, как вопрос будет решен... и орган власти, наделенный компетенцией по данному вопросу... не имеют существенного значения”, последний может быть “общим судом”, “административным

органом и т. п.” (см. решение по делу Рингейзена от 16 июля 1971 г., Серия А, т. 13, с. 39, п. 94). “Значение имеет только характер спорного права” (см. упомянутое выше решение по делу Кёнига. Серия А, т. 27, с. 30, п. 90).

61. Как и в предыдущих делах, Суд не считает, что он обязан дать в этом случае какое-либо абстрактное определение понятия “гражданские права и обязанности”.

Учитывая, что Суду впервые приходится заниматься сферой социального страхования, в частности схемой страхования от несчастных случаев на производстве в земле Берлин, Суд должен выявить все относящиеся к делу факторы, которые способны прояснить применение принципов, о которых было сказано выше.

***(b) Дополнительные факторы, выявившиеся по предмету спора***

62. В соответствии с немецким законодательством, право, о котором идет речь, рассматривается как относящееся к сфере публичного права. Такая классификация, однако, служит лишь отправной точкой, она не может иметь определяющего значения, не будучи подтвержденной другими факторами. В решении по делу Кёнига от 28 июня 1978 г. Суд, в частности, указал:

“Следует ли рассматривать право как гражданское... зависит от содержания и последствий осуществления данного права, а не от его юридической классификации в соответствии с внутренним законодательством заинтересованного государства. При осуществлении своей контрольной функции Суд должен принимать в расчет предмет и цели Конвенции, а также национальных правовых систем других Договаривающихся Государств...” (Серия А, т. 27, с. 30, п. 89).

63. В законодательстве и юридической практике государств — членов Совета Европы, имеющих различные системы социального страхования, существует большое разнообразие подходов к природе права на получение пособия при несчастном случае на производстве. Некоторые государства, включая Федеративную Республику Германии, трактуют его как категорию публичного права, тогда как другие, наоборот, рассматривают его как категорию частного права; третьи, похоже, используют своего рода смешанную систему. Более того, даже внутри одной и той же правовой системы можно встретить различные подходы в судебной практике. Так, в некоторых государствах, например в Бельгии, где доминирует публично-правовой аспект, имеются судебные решения, в которых говорится о применимости статьи 6 п. 1 к требованиям, схожим с теми, что рассматриваются в настоящем деле. Соответственно, не существует какого-либо общего стандарта, указывающего на единообразное европейское понимание этого вопроса.

64. Анализ характерных черт германской системы социального страхования несчастных случаев на производстве показывает, что право на получение пособия содержит признаки как публичного, так и частного права.

(i) Признаки публичного права

65. Ряд признаков позволяет полагать, что рассматриваемый спор следует считать относящимся к области публичного права.

*(1) Характер законодательства*

66. Первым таким признаком является характер законодательства. Правовые нормы регулирующие получение пособий по социальному страхованию от несчастных случаев на производстве, во многих отношениях отличаются от норм, которые применяются к страхованию вообще и являются частью гражданского права. Немецкое государство взяло на себя ответственность за определение рамок системы страхования несчастных случаев на производстве и надзор за действиями в рамках этой системы. В этих целях оно устанавливает категории получателей пособий, определяет пределы предоставляемых гарантий, фиксирует ставки взносов, пособий и т. п.

По некоторым делам (это в особенности относится к делам Кёнига; Ле Конта, Ван Лёвена и Де Мейера; Бентема) наличие таких законов или делегированного законодательства не помешало Суду установить, что рассматриваемое право имеет частный, гражданско-правовой характер. Аналогично и по настоящему делу законодательное вмешательство государства недостаточно для того, чтобы отнести право, на котором настаивает заявитель, к публично-правовой сфере.

*(2) Обязательный характер страхования*

67. Вторым признаком, имеющим отношение к делу, является обязанность страхования от несчастного случая на производстве, или, точнее, быть застрахованным при выполнении установленных законодательством условий (см. п. 72 ниже). Другими словами, те, кого это касается, не могут отказаться от обращения к услугам страхования.

Сопоставимое обязательство можно встретить и в других областях. Примером могут служить правила обязательного страхования определенной деятельности, такой, как вождение транспортного средства или наем жилого помещения. Тем не менее право на возмещение, предоставляемое таким договором нельзя квалифицировать как публично-правовое. Таким образом, Суд не находит, что обязанность быть застрахованным от несчастного случая на производстве меняет природу соответствующего права.

*(3) Принятие государством на себя социальной защиты*

68. Последний аспект, который остается обсудить, — это принятие на себя государством либо государственными или полугосударственными учреждениями полной или частичной социальной защиты. По обстоятельствам настоящего дела это было возложено на Управление по страхованию от несчастных случаев на производстве Берлина, что отражает возрастание роли государства и соответственно расширение сферы публичного права.

С другой стороны, — и Суд вернется к этому вопросу (см. п. 73 ниже) — настоящий случай имеет много общего с обычным страхованием, которое традиционно регулируется частным правом. Поэтому с учетом последствий расширения сферы государственного вмешательства представляется сложным прийти к каким-либо однозначным выводам относительно природы спорного права.

69. В общем, даже всех трех упомянутых аспектов вместе взятых недостаточно, чтобы, проанализировав их, прийти к выводу о неприменимости статьи 6.

*(ii) Признаки частного права*

70. Напротив, различные соображения говорят в пользу противоположного вывода.

*(1) Личная и имущественная природа спорного права*

71. Вдова г-на Доймеланда-старшего была ущемлена не в своих взаимоотношениях с публичной властью как таковой и осуществляющей свои дискреционные полномочия, а в своем личном качестве как частное лицо. Она настаивала на праве, предусмотренном четкими нормами действующего законодательства. Право, о котором идет речь, является личным, имущественным и субъективным, что явно приближает его к сфере гражданского права.

*(2) Связь с трудовым договором*

72. По своему положению г-на Доймеланд-старший был работником и принадлежал к категории служащих Земли.

Правовым основанием его работы был трудовой договор регламентированный частным правом. Хотя справедливо, что страхование было непосредственно предусмотрено законом, а не договором, тем не менее оно было связано с ним. Страхование являлось одним из составляющих отношения между работником и работодателем.

Кроме того, дополнительная пенсия, на которую претендовала вдова г-на Доймеланда-старшего, а затем ее сын, является как бы продолжением заработной платы, выплачиваемой на основании договора, и гражданско-правовой аспект здесь также не вызывает сомнений. Данная пенсия имеет общую правовую природу с договором и, следовательно, приобретает гражданский характер в смысле настоящей Конвенции.

*(3) Сходство со страхованием по общему праву*

73. И наконец, немецкое страхование от несчастных случаев на производстве в нескольких аспектах похоже на страхование вообще. В немецкой системе страхования от несчастных случаев на производстве используется техника защиты от рисков и методы управления, заимствованные у частного страхования. Страхование служащего частных предприятий осуществляют их профессиональные объединения, которые строят свои отношения со страхуемым как и обычная страховая компания. Служащие земли Берлин находятся в ведении Управления по страхованию от несчастных случаев на производстве, и на них распространяется система страхования, отличная от той, что применяется в частном секторе. Этого обстоятельства, однако, не мешает предпочтительной юридической квалификации рассматриваемого законодательства как относящегося ко второй из указанных систем. На самом деле, хотя большая часть финансирования Управления по страхованию обеспечивается за счет земли Берлин, она делает это в качестве работодателя, а не как орган государственной власти.

Различия, которые могут существовать между страхованием в частном секторе и социальным страхованием, не затрагивают основного характера связи между застрахованным и страхователем.

**(с) Вывод**

74. Дав сравнительную оценку чертам публичного и частного права в настоящем деле, Суд находит, что последнее в нем преобладает. Ни одна из разнообразных черт частного права сама по себе не является решающей, но взятые вместе они наделяют выдвигаемое требование гражданско-пра-

вовым характером в смысле статьи 6 п. 1 Конвенции, которая, таким образом, применима к данному случаю.

### ***В. Соблюдение требований статьи 6 п. 1***

75. Суд должен теперь ответить на вопрос, удовлетворяет ли рассмотрение в немецких социальных судах, иска предъявленного г-жой Доймеланд и продолженного ее сыном, требованиям статьи 6 п. 1.

#### ***1. Разумный срок***

76. Заявитель жаловался прежде всего на длительность разбирательства.

#### ***(а) Период, который следует принять во внимание***

77. Рассматриваемый период исчисляется с 16 июня 1970 г. — дня, когда в Берлинский суд по социальным вопросам был подан иск.

Что касается периода, “время”, которого должно быть учтено, то он охватывает в принципе все прохождение дела, включая его рассмотрение в апелляционном порядке (см. вышеупомянутое решение по делу Кёнига). Следует учитывать также время рассмотрения дела в Федеральном Конституционном Суде; хотя он и не решал дело по существу, обращение в этот суд могло иметь значение для дальнейшей судьбы жалобы. С другой стороны, время, потраченное Берлинским социальным апелляционным судом на решение вопроса о возобновлении разбирательства, сюда не относится.

Следовательно, окончанием периода следует считать 9 февраля 1981 г., когда Федеральный Конституционный Суд отклонил жалобу г-на Доймеланда на нарушение его конституционных прав.

Рассматриваемый период длился, таким образом, десять лет семь месяцев и три недели (с 16 июня 1970 г. по 9 февраля 1981 г.).

#### ***(b) Применимые критерии***

78. Разумность продолжительности разбирательства следует оценивать в каждом случае в соответствии с конкретными обстоятельствами дела и с учетом критериев, выработанных практикой Суда (см. в частности, решение по делу Бухольц от 6 мая 1981 г., Серия А, т. 42, с. 15—16, п. 49 и решение по делу Циммерманна и Стейнера от 13 июля 1983 г., Серия А, т. 66, с. 11, п. 24).

##### ***(i) Степень сложности дела***

79. Основная проблема, возникшая по этому делу, заключалась в установлении того, было ли падение отца г-на Доймеланда, когда он возвращался домой после посещения в рабочее время специалиста отоларинголога, несчастным случаем на производстве, по дороге на работу или с работы в смысле Имперского кодекса страхования. Компетентным социальным судам необходимо было удостовериться, что непосредственные руководители знали о проблемах г-на Доймеланда со слухом и сами рекомендовали ему обратиться к врачу в интересах службы. Это вопрос факта, который мог быть установлен из показаний свидетелей. Никаких сложных

правовых проблем с этим не было связано. Более того, Правительство не оспаривало этот факт.

(ii) Поведение заявителя

80. На различных стадиях г-н Доймеланд-младший предпринимал шаги, задержавшие ход разбирательства. Некоторые из этих шагов говорят, если не об обструкции, то по крайней мере об отказе от сотрудничества.

Так было, например, в отношении отводов судьи Федерального социального суда и трех судей Апелляционного суда Берлина. Эти отводы были отклонены как необоснованные, за исключением одного, который был отозван самим заявителем. Кроме того, некоторые действия или упущения заявителя таковы, что осложнили задачу суда, а именно: направление письменных ходатайств за день до судебного заседания; просьба о продлении сроков; ходатайств о внесении исправлений в изложение фактических обстоятельств в констатирующей части решения; возражения против приобщения к делу материалов и отказ представить свои комментарии; отказ предъявить свидетельство о наследстве.

Суммируя сказанное, заявитель не проявил усердия, которое можно было ожидать от стороны в такого рода споре. Тем самым он способствовал затягиванию разбирательства (см. *mutatis mutandis* решение по делу Претто и другие от 8 декабря 1983 г., Серия А, т. 71, с. 15, п. 34).

(iii) Поведение компетентных судов

(1) Социальный суд Берлина

81. Разбирательство в этом суде началось 16 июня 1970 г. и закончилось 7 декабря 1972 г., т. е. заняло два года, пять месяцев и три недели. Трижды дело назначалось к слушанию: 11 мая 1971 г., затем 15 марта 1972 г. и, наконец, 26 июня 1972 г. Таким образом, дело оставалось без движения год месяц и две недели. Правительство признало существование некоторых задержек, но связало это с созданием новой палаты из-за перегруженности суда и заменой председательствующего судьи. Правительство также заявило, что характер дела требовал приоритетности его рассмотрения.

82. В соответствии со сложившейся практикой Суда, некоторое отставание в прохождении дела в судах не влечет ответственности государства, при условии, что оно незамедлительно предпримет эффективные меры по исправлению положения (см. решение по делу Гинчо от 10 июля 1984 г., Серия А, т. 81, с. 17, п. 40).

Данные, приведенные Правительством, не подтверждают, что имело место непредвиденное увеличение числа поступивших дел, что и привело к временным задержкам в их прохождении.

Замена председательствующего судьи — нормальное явление в жизни любого суда, и может вызвать некоторую задержку. Однако частые замены в короткий промежуток времени осложнили и без того непростую ситуацию.

(2) Апелляционная инстанция (первый этап разбирательства)

83. Дело поступило в Апелляционный суд Берлина 23 ноября 1972 г. Суд уведомил г-на Доймеланда о своем решении 14 сентября 1973 г., т. е. по прошествии девяти месяцев и трех недель. Таким образом разбирательство в данном суде шло без задержек.

(3) Федеральный социальный суд (первый этап разбирательства)

84. Первый этап разбирательства в Федеральном социальном суде завершился по прошествии одного года и семи месяцев после начала

(11 октября 1973 г. — 15 мая 1975 г.). Был определенный период пассивности с 5 февраля 1974 г. (передача г-ну Доймеланду письменных возражений ответчика) до 6 декабря 1974 г. (даты слушания). Однако 1 июля 1974 г. заявитель выразил пожелание, чтобы слушания состоялись 6 декабря. Раз это так, то рассматриваемый перерыв можно отнести на счет Федерального суда лишь частично.

*(4) Апелляционный суд Берлина (второй этап)*

85. Из пяти этапов обращений заявителя в социальные суды его второе обращение в Апелляционный суд Берлина повлекло самое длительное и сложное разбирательство. Три года и десять месяцев прошли между уведомлением о решении Федерального социального суда (16 мая 1975 г.) и получением г-ном Доймеландом решения Апелляционного суда (15 марта 1979 г.).

86. Два запроса о направлении материалов дела прервали ход основного разбирательства; первый поступил от прокуратуры при Апелляционном суде Берлина, а второй — от прокуратуры при социальном суде первой инстанции. Но промежутки времени, о которых идет речь, были относительно короткими; три недели в одном случае (28 августа — 18 сентября 1975 г.) и четыре месяца и две недели — в другом (29 июля — 9 декабря 1976 г.). Следовательно, эти запросы не оказали ощутимого влияния на ход разбирательства.

Что касается отводов судьям, заявленных г-ном Доймеландом в Апелляционном суде, то время, которое ушло на то, чтобы их отклонить, часто было весьма значительным, что вызывает удивление. Так потребовалось три года, четыре месяца и три недели (26 мая 1975 г. — 17 октября 1978 г.) в случае с судьей Матушевски; год десять месяцев и две недели (4 августа 1976 г. — 20 июня 1978 г.) в случае с судьей Брамером; и семь месяцев (20 января — 19 августа 1977 г.) и три недели (31 мая — 20 июня 1978 г.) в случае с судьей Арндтом. Хотя эти отводы, возможно, не очень сильно замедлили общий ход разбирательства, время, которое ушло на принятие по ним решения, тем не менее представляется чрезмерным.

*(5) Федеральный социальный суд (второй этап)*

87. Второй этап разбирательства в Федеральном социальном суде начался 25 марта 1979 г. и завершился 17 декабря 1980 г., т. е. через год восемь месяцев и три недели. Заслуживают внимания три периода отсутствия какой-либо активности. Первый тянулся с 9 июля 1979 г. (направление сторонам документов страховой кассы) до 19 ноября 1979 г. (запрос документов от районных властей Шарлоттенбурга), второй — с 2 января 1980 г. (получение досье от Администрации земли) до 1 апреля 1980 г. (направление г-ну Доймеланду письма, информирующего о том, что документы поступили), а третий — с 9 сентября 1980 г. (передача документов сторонам) до 11 декабря 1980 г. (слушания). Правительство ограничило свои замечания указанием на то, что Федеральный суд по социальным вопросам истребовал все эти многообразные досье по просьбе заявителя.

88. Достаточно отметить, что рассматриваемые здесь временные промежутки сами по себе неразумными не представляются, особенно в свете того факта, что самый долгий период во многом совпал с каникулами суда.



*(б) Федеральный Конституционный Суд*

89. Федеральный Конституционный Суд рассмотрел вопрос очень быстро; ему понадобилось только шесть недель.

*(с) Общая оценка*

90. Судебная тяжба длилась в общей сложности почти одиннадцать лет. Какова бы ни была цена иска, такая длительность в данных обстоятельствах ненормальна, особенно учитывая требования к рассмотрению дел по социальному страхованию. Анализируемый период занял шесть этапов, связанных с разными судебными инстанциями. В большой степени ответственность за их длительность падает на самого г-на Доймеланда. Тем не менее ряд задержек относятся на счет компетентных судов, прежде всего суда первой инстанции и Апелляционного суда по социальным вопросам (второй этап разбирательства). В результате этих задержек, взятых вместе, дело заявителя не было рассмотрено в разумный срок, как того требует статья 6 п. 1. Соответственно имело место нарушение по данному основанию.

*2. Справедливое разбирательство дела  
беспристрастным судом*

91. Заявитель жаловался также, что его требование не было “справедливо рассмотрено” “беспристрастным судом”. Он утверждал, что судьи выказывали враждебное отношение к нему по политическим мотивам, не выполнили лежащий на них долг и вынесли неверное решение по его делу.

Правительство данные утверждения не комментировало.

92. Суд хотел бы просто указать, что г-н Доймеланд не представил даже каких-либо отдельных доказательств в обоснование своих утверждений.

**II. Применение статьи 50**

93. Статья 50 Конвенции гласит:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

94. В своей памятной записке от 27 марта 1985 г. г-н Доймеланд заявил о наличии “значительного материального и нематериального вреда”. Оговорив, что размеры ущерба будут определены позднее, он перечислил следующие пункты: отклонение немецкими судами всех его требований; отрицательное воздействие хода судебного процесса на здоровье его матери; признание его к оплате всех судебных издержек, которые он понес в различных социальных судах; попытки помешать ему заниматься своей профессиональной деятельностью; время, потраченное им на разбирательство в национальных судах; ущерб, причиненный его репутации.

Во время слушания заявитель объявил о своей готовности представить в письменном виде свои соображения по вопросу о возможном применении

статьи 50 и достичь “недорогого мирового соглашения”. Отвечая на просьбу председательствующего, он заявил, что представит письменное ходатайство в последующем; однако, он этого не сделал.

Ни представитель Правительства, ни уполномоченный Комиссии его требования не комментировали.

95. Обнаруженное Судом нарушение статьи 6 п. 1 относится в основном к тому периоду, когда г-жа Доймеланд была еще жива и доверила защиту своего дела сыну. Последний, хотя он проживал совместно с матерью, не имел на данной стадии статуса “потерпевшей стороны” в смысле статьи 50. Однако он приобрел этот статус 8 декабря 1976 г. после смерти матери, чьим единственным наследником он является.

96. Заявитель не представил достаточно информации в отношении якобы причиненного материального ущерба. Соответственно Суд отклоняет его требования по данному пункту.

97. Что касается морального вреда, то нельзя исключить, что мать г-на Доймеланда испытывала психологические страдания в течение того времени, когда были превышены разумные сроки судебного разбирательства. Однако, даже исходя из предположения, что она могла бы получить некую финансовую компенсацию по этому поводу, Суд не видит оснований представлять таковую данному заявителю.

98. Заявитель не выдвинул других требований, в частности не потребовал возмещения издержек, понесенных в связи с разбирательством дела в учреждениях Конвенции. В контексте статьи 50 Суд занимается только теми пунктами требований, которые были фактически предъявлены: Суд не исследует по своей инициативе вопрос о причинении заявителю иного ущерба (см. решение по делу “Санди таймс” от 6 ноября 1980 г., Серия А, т. 38, с. 9, п. 14). Таким образом, вопрос о возмещении издержек не стоит.

## ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* девятью голосами против восьми, что статья 6 п. 1 применима к обстоятельствам настоящего дела;

2. *Постановил* девятью голосами против восьми, что имело место нарушение этой статьи 6 в отношении соблюдения в “разумного срока”;

3. *Постановил* единогласно, что данное решение представляет само по себе адекватное и справедливое возмещение в целях статьи 50.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 29 мая 1986 г.

Марк-Андре Эйссен  
Грефье

Жерар Виарда  
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 52 п. 2 Регламента Суда к настоящему судебному решению прилагаются отдельные мнения судей.

**СОВМЕСТНОЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ  
РИССДАЛЛА, БИНДШЕДЛЕР-РОБЕРТ, ЛАГЕРГРЕНА,  
МАТШЕРА, СЭРА ВИНСЕНТА ЭВАНСА, БЕРНХАРДТА  
И ГЕРСИНГА**

1. Мы согласны с точкой зрения большинства членов Суда о наличии в данном деле “спора” по поводу права, требуемого матерью заявителя г-жой Доймеланд. Однако, по нашему мнению, спор не касается установления ее “гражданских прав и обязанностей” в смысле статьи 6 п. 1 Конвенции. Наш вывод состоит в том, что статья 6 п. 1 не применима к настоящему делу.

2. По мнению большинства, разнообразные “признаки частного права”, свойственные пособию по социальному страхованию, которое требовала г-жа Доймеланд, настолько преобладают над его “публично-правовыми признаками”, что это придает заявленному ею праву характер “гражданского” в целях статьи 6 п. 1 ( см. пункт 74 решения). Соответствующие “признаки частного права”, обнаруженные большинством, включают, во-первых, личный и имущественный характер отстаиваемого права; во-вторых, его связь с трудовым договором; и в-третьих, его родство со страхованием по общему праву. С нашей точки зрения, слабость этих рассуждений заключается в том, что большинство рассматривает в качестве определяющих признаки, которые могут меняться в зависимости от различий систем социального страхования и даже по различным категориям страхования в рамках одной и той же системы. Мы опасаемся, что все это породит неуверенность в отношении обязательств, взятых на себя Договаривающимися Государствами в области социального страхования по статье 6 п. 1 Конвенции.

3. Наши доводы о неприменимости статьи 6 п. 1 к тому типу права, которое отстаивает г-жа Доймеланд, следующие:

*1. “Гражданские права и обязанности” —  
ограничивающее понятие*

4. Статья 6 п. 1 устанавливает процессуальную гарантию для разрешения некоторых споров. Использование формулы “гражданские права и обязанности” должно было, по замыслу составителей Конвенции, ограничить пределы применения статьи 6 п. 1. Эту формулу нельзя понимать как применимую к спорам по всему спектру “прав и обязанностей”, признаваемых внутренним правом: спорное право или спорная обязанность должны быть такими, чтобы их можно было квалифицировать как “гражданские”. Однако данное прилагательное способно вместить несколько значений. Текст статьи недостаточно ясен, чтобы можно было сказать, какое из них она имеет в виду.

*2. Судебная практика*

5. Сложившаяся практика Суда дает некоторые ориентиры в отношении того, где проходит разграничительная линия.

6. Точка отсчета в каждом случае — характер, приданный спорным правам и обязанностям правовой системой государства-ответчика. Это, однако, не более чем первоначальное указание, т. к. понятие “гражданские

права и обязанности” является “самостоятельным” в смысле Конвенции и “не может толковаться только в свете на внутреннего права государства-ответчика”: “будет ли право рассматриваться как гражданского в смысле Конвенции зависит не от его юридической квалификации во внутреннем законодательстве государства”, а от того какое материальное содержание вложено в него этим законодательством и какие последствия оно связывает с ним (см. решение по делу Кёнига от 28 июня 1978 г., Серия А, т. 27, с. 29—30, п. п. 88—89).

В этих целях надо учитывать также правовые системы других Договаривающихся Государств, чтобы выяснить, нет ли какой-либо единообразной концепции “гражданских прав и обязанностей”, которая бы охватывала или исключала фактические обстоятельства настоящего дела (см. вышеупомянутое решение по делу Кёнига, п. 89).

7. Суд считает, что фраза относительно “споров по поводу “гражданских прав и обязанностей” охватывает все судебные разбирательства, результаты которых имеют решающее значение для прав и обязанностей лица — даже если предмет разбирательства — спор между частным лицом и органом представляющим публичную власть — независимо от того, отнесены эти права и обязанности в правовой системе государства-ответчика к сфере частного или публичного права либо носят смешанный характер (см. решение по делу Рингейзен от 16 июля 1971 г., Серия А, т. 13, с. 39, п. 94; вышеупомянутое решение по делу Кёнига, п. 90, 94). Кроме того, недостаточно, чтобы спор или разбирательство имели незначительную или отдаленную связь с последствиями гражданско-правового характера. “Гражданские права и обязанности” должны быть предметом или одним из предметов спора; исход разбирательства должен иметь для такого права прямое и решающее значение” (см. решение по делу Ле Конта, Ван Лёвена и Ди Мейера от 23 июня 1981 г., Серия А, т. 43, с. 21, п. 47).

Кроме того, Суд специально оставил в стороне вопрос о том, является ли понятие “гражданские права и обязанности” в смысле статьи 6 п. 1 более широким, чем права, частного характера (см. вышеупомянутое решение по делу Кёнига и по делу Ле Конат, Ван Лёвена и Ди Мейера).

8. Сложившаяся практика Суда, таким образом, определила некоторые области, где статья 6 п. 1 применима, оставив открытым вопрос о том, имеются ли другие подобные области.

### *3. Применение прецедентных установок Суда к настоящему делу*

9. По немецкому законодательству, право на получение дополнительной пенсии, требуемой г-жой Доймеланд, ставшей вдовой квалифицируется не как частичное, как публичное право.

Несомненно, согласно законодательно установленной системе страхования, субъектом которой был Доймеланд-старший, существует определенная связь между правом на пособие при несчастном случае на производстве и договором трудового найма, который, без сомнения, относится к сфере частного права. Столь же несомненно, что нормы устанавливающие эту связь, не относятся к числу обязательных для включения в трудовой договор. Требования адресованных третьим лицам не затрагивают непосредственно частноправовые отношения между работником и работодателем по трудо-

вому договору, хотя спор по этому поводу может иметь определенное влияние на исполнение этого договора.

Поэтому можно сказать, что иск, поданный г-жой Доймеланд с целью получения дополнительной пенсии, настолько отдаленно и опосредованно связан с частноправовыми отношениями, что это не может обусловить применение статьи 6 п. 1.

10. Мы согласны с большинством в том, что квалификация по немецкому праву, хотя и является исходной, не имеет решающего значения, в особенности если она расходится с правом других Договаривающихся Государств. Однако большинство пришло к выводу (п. 63), что не существует общеевропейского стандарта права на пособие в связи с несчастным случаем на производстве. Причем частноправовой характер такого права признается далеко не всюду.

11. Соответственно обстоятельства настоящего дела не подпадают под критерии, позволяющие в соответствии с практикой Суда применить к ним как и частноправовым отношениям статью 6 п. 1. Остается определить, подпадают ли эти обстоятельства под действие статьи 6 п. 1 по другим основаниям.

#### 4. Применимые принципы толкования

12. Для того чтобы определить “самостоятельное” значение формулы “гражданские права и обязанности” в статье 6 п. 1, необходимо иметь в виду предмет и цели Конвенции (см. вышеупомянутое решение по делу Кёнига, п. 89). В качестве общего подхода к толкованию Конвенции, являющейся международным договором, Суду следует руководствоваться Венской Конвенцией О праве международных договоров (см. решение по делу Голдер от 21 февраля 1975 г., Серия А, т. 18, с. 14, п. 29). “Общее правило толкования”, как оно изложено в статье 31 п. 1 Венской Конвенции, гласит:

“Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением приводимых в договоре терминов, взятых в контексте и в свете его предмета и цели”.

Статья 32 Венской Конвенции далее уточняет, что не исключается обращение к дополнительным средствам толкования, включая подготовительные работы и обстоятельства заключения.

Суд признал необходимость толковать Европейскую Конвенцию о защите прав человека также и в свете условий, преобладающих сегодня в демократических обществах государств-участников, не ограничиваясь лишь предположениями — о том, что имели в виду составители проекта Конвенции (см. *inter alia* решение по делу Маркс от 13 июня 1979 г., Серия А, т. 31, с. 19, п. 41).

#### 5. Характеристика искомого права

13. Право на пенсию, на которую претендует г-жа Доймеланд, является имущественным правом, основанным не на частном договоре между ее мужем и его работодателем, а на установленной законодателем общей системы защиты работающего населения и г-н Доймеланд-старший как относящийся именно к этой части общества становился в обязательном порядке участником этой системы. Ее предназначение — обеспечить защиту и благосостояние участвующих в ней. Она не является лишь иллюстрацией того,

что государство может взять на себя страховую деятельность, которую могли бы осуществить с тем же успехом частный сектор.

Получение пособия в результате несчастного случая на производстве согласно соответствующим статьям Имперского кодекса страхования зависит от существования договора найма; саму пенсию можно рассматривать как своего рода продолжение зарплаты, выплачиваемой работодателем в соответствии с этим договором. Можно сказать, что предусмотренная законом система страхования от несчастных случаев на производстве имеет некоторое сходство с классическим страхованием в частном секторе. Однако, по нашему мнению, ни один из этих признаков не меняет преимущественно публичного характера отношений между индивидом и обществом, которые лежат в основе данного спора.

#### *6. Контекст, предмет и цель*

14. Вот почему требуется определить в контексте данной нормы и в свете предмета и цели Конвенции, возможно ли подвести данный вид правового требования, несмотря на его преимущественно публичный характер, под понятие “гражданские права и обязанности” в смысле статьи 6 п. 1.

15. Предмет и цель Конвенции, как они выражены в п. 1 статьи 6, до некоторой степени отличаются от характера предусмотренных гарантий.

То, как статья 6 п. 1 гарантирует судебные процедуры рассмотрения споров отчетливо свидетельствует, что имеются в виду отношения между лицами. В сфере управления организационные, экономические и социальные факторы оправдывают легитимное использование менее строгих и формализованных процедур. Настоящее дело связано с публичным коллективным порядком предоставления социальных услуг. Этот порядок имеет ряд особенностей, предполагает учет ряда факторов, как то: состояние здоровья лица, его материальное положение, профессиональный уровень и должен уравнивать публичный интерес с интересами лица. Упомянутые процедуры предоставления социальных услуг судебной, во многих случаях потребуют от соискателей обращения к услугам юристов и медицинских экспертов, что приведет к увеличению расходов и длительности процедуры. Это показывает, что предмет и цель статьи 6 п. 1 не идут столь далеко, чтобы гарантировать судебный контроль за управлением коллективными системами предоставления социальных услуг.

16. Мы не теряем из виду, что Конвенция в целом преследует гуманитарные цели и служит защите индивида, что для простого человека право на получение пособия по социальному страхованию имеет огромное значение. В равной мере существенно, чтобы справедливость присутствовала и в административной сфере и чтобы требования индивида исследовались ответственно и объективно в соответствии с установленными правилами. Однако это не означает, что всевозможные, многообразные ситуации подпадают под действие статьи 6 п. 1 Конвенции. Как мы уже отметили, высказывая данное мнение (п. 15), существуют веские соображения, оправдывающие использование специальных процедур по делам о социальном страховании.

17. Если обратиться к сопоставлению “гражданского” и “уголовного” в контексте статьи 6 п. 1, то оно показывает, что прилагательное “гражданский” не подразумевает применимость статьи 6 п. 1 ко всем вопросам отличным от “уголовных”. Это распространяется и на споры по социальному

страхованию, исход которых чрезвычайно важен для личной жизни заинтересованного лица.

18. Эти соображения подсказывают вывод, что в принципе коллективные и публично-правовые признаки установленных законом систем страхования, дающих право на получение пособий, настолько доминируют, что выводят спорные права и обязанности из сферы действия “гражданского” в смысле статьи 6 п. 1.

### 7. Дополнительные средства толкования

19. Предшествующий анализ подкрепляется тем фактом, что законодательство, о котором идет речь, было создано несколькими десятилетиями раньше Конвенции; пообное законодательство имелось во многих других государствах-участниках. Поэтому логично предположить, что в намерения разработчиков статьи 6 п. 1 не входило включать установленные законом системы коллективной социальной защиты в сферу ее действия. Изучение подготовительных работ подтверждает такое прочтение ее текста.

20. Прилагательное “гражданский” (“civil”) было добавлено к английской версии статьи 6 п. 1 в ноябре, за день до того, как Конвенция была открыта для подписания, когда комитет экспертов рассматривал текст Конвенции в последний раз и “сделал несколько формальных поправок и исправлений перевода” (Collectad Edition of the Travaxx priparatoires of the Enropenn Convention on Human Rights т. VII, с. 12, п. 6). Тогда не было дано никаких специальных объяснений по поводу этого изменения, внесенного в последний момент, и это явно указывает на то, что причиной было просто стремление сблизить английскую версию текста с французской: во французском варианте текста говорилось, как и сейчас, о “правах и обязанностях гражданского характера”, английская версия ране говорила о “правах и обязанностях, защищаемых гражданским иском” (suit of law) (там же, т. V, с. 148).

Эти две формулы впервые были внесены на встрече (март 1950 г.) Комитета экспертов по правам человека Совета Европы и очевидно были взяты непосредственно из эквивалентной статьи существовавшего тогда проекта Международного пакта о гражданских и политических правах Объединенных Наций (там же т. II, с. 296; т. III, с. 30, 160, 284, 290, 316; т. IV, с. 60). Поэтому нужно отслеживать их историю в подготовительных работах Международного пакта.

21. Важнейшая дискуссия по проекту Международного пакта состоялась 1 июня 1949 г. на пятой сессии Комиссии по правам человека ООН. Французская и египетская делегации представили поправку, где речь шла о “правах и обязанностях” без оговорки. Реакция датского представителя (г-на Соренсена) на эту поправку охарактеризована в следующей выдержке:

“Представители Франции и Египта предложили, что каждый человек должен иметь право обратиться в суд при определении его прав и обязанностей. Г-н Соренсен считал, что эта формула чересчур широка; может возникнуть тенденция обращаться в суд по поводу любых действия органов управления, осуществляющих возложенные на них законом дискреционные полномочия. Он высоко оценил заботу о том, чтобы индивид был защищен от злоупотребления властью со стороны административных органов; однако вопрос этот весьма тонкий, и вряд ли Комиссия сможет тотчас же решить его. Разделение труда между органами администрации и суда может быть

изучено позже... Г-н Соренсен задал представителям Франции и Египта вопрос, нельзя ли ограничить сферу действия рассматриваемого положения, указав, что имеются в виду только споры между индивидами, а не между индивидами и государством” (Изложение записи 109-й встречи, doc. E/CN. / SR/109, с. 3—4).

Французский представитель (г-н Кассен) ответил, что “заявление представителя Дании убедило его и что действительно трудно охватить в одной статье все вопросы, отправления правосудия в отношениях между физическими лицами и правительствами” (там же, с. 9). Поэтому он был согласен на замену слов “или его права и обязанности” в первом предложении франко-египетской поправки на формулу “или споры о правах и обязанностях гражданского характера” (в английской версии “или его права и обязанности, защищенные гражданским иском”). Он также согласился, что “проблема до конца не проработана и должна быть проанализирована более тщательно”.

В этот же день позднее редакционный комитет подготовил текст, в английском варианте которого говорилось “защищаемые иском”, а во французском — “гражданского характера” (de caractere civie) (doc.E/CN. 4/ 286). В тексте была использована та самая формулировка, которая в итоге была утверждена для статьи 14 Международного пакта в 1966 г.

22. Поэтому представляется достаточно очевидным, что введение ограничительного термина “гражданского характера” во французский текст проекта Международного пакта было направлено на исключение из сферы его действия некоторых категорий споров, “касающихся отправления правосудия в отношениях между физическими лицами и правительствами”.

### *8. Практика государств и эволюционное толкование*

23. Нельзя сказать, что после вступления Конвенции в силу, государства-участники начали рассматривать право на получение пособия в результате несчастного случая на производстве, предусматриваемое законодательно созданными системами социального страхования, как возникновение “гражданские права и обязанности” в смысле статьи 6 п. 1. Как уже отмечалось выше (см. п. 10), в правовых системах Договаривающихся Государств нельзя обнаружить какие-либо общие позиции в отношении “гражданского” или иного характера такого права. В общем, в этом вопросе не существует единообразного европейского подхода, который бы противоречил тому толкованию, к которому мы пришли на основе приведенных выше соображений. Наоборот, разнообразие существующих сегодня подходов скорее показывает, что если судебная защита типа той, что гарантирует статьи 6 п. 1 охватывает притязания на пособие в результате несчастного случая на производстве, как в деле г-жи Доймеланд, то для этого нужно политическое решение Договаривающихся Государств; это решение должно учитывать как преимущества, так и недостатки, которые влечет такой шаг; но статьей 6 п. 1 в ее нынешнем виде такая жалоба не охватывается.

24. Не ведет к другому выводу и эволютивное толкование статьи 6. Подписавшие Конвенцию правительства выразили в ней свою решимость “сделать первые шаги на пути коллективного осуществления ряда прав, сформулированных во Всеобщей декларации прав человека”. Эволютивное толкование позволяет проверить в свете условий современной жизни имеющиеся в Конвенцию понятия, содержание которых может претерпеть из-



менения (см. например, решение по делу Тайрера от 25 апреля 1978 г., Серия А, т. 26, с. 15—16, п. 31; упомянутое выше решение по делу Маркс (Серия А, т. 31, с. 19—20), но оно не позволяет вводить в Конвенцию новые понятия, ибо это совместная законодательная функция государств-членов Совета Европы. Желательность предоставления надлежащих гарантий при рассмотрении исков во все расширяющейся сфере социального страхования очевидна. Однако существуют пределы эволютивного толкования, и обстоятельства настоящего дела в том, что касается применения статьи 6 п. 1, выходят за эти рамки.

Мы не находим, что значительное развитие сферы социальных услуг после принятия Конвенции, стало таким, что изменило существо прав и обязанностей, о которых идет спор в иске, инициированном г-жой Доймеланд.

### 9. Вывод

25. Принимая во внимание текст статьи 6 п. 1, предмет, цель и историю разработки мы делаем принципиальный вывод: существуют сферы, находящиеся в ведении публичных властей, где действуют особый институциональный режим, подобный тому, что мыски скчир в области социального страхования, при котором права и обязанности лица, не носящие частного характера, могут по различным основаниям (см. п. 15) определяться путем специальной процедуры, а не в судебном порядке, с соблюдением всех требований статьи 6 п. 1. С нашей точки зрения, гарантии статьи 6 п. 1, в отношении споров о “гражданских правах и обязанностях”, не относятся к спорам в сферах, о которых сказано выше, если только, как это подчеркнуть в практике Суда (см. п. 7), исход процесса не является определяющим для признания частных прав.

В свете всех соображений, изложенных выше, мы приходим к выводу, что процесс, начатый г-жой Доймеланд в социальных судах и продолженный впоследствии ее сыном в социальных судах, не затрагивает определения “гражданских прав и обязанностей” в смысле статьи 6 п. 1; и что гарантии этой статьи, относящиеся к отправлению правосудия, в силу этого не применимы в обстоятельствах данного дела.

## ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПИНЕЙРО ФАРИНЬИ

1. Статья 6 п. 1 Конвенции гарантирует справедливое судебное разбирательство при определении “гражданских прав и обязанностей” лица и при рассмотрении предъявленного ему “уголовного обвинения”.

2. Вопрос об уголовном обвинении в настоящем деле не возникает. Подпадают ли его обстоятельства под “определение “гражданские права и обязанности””?

3. Г-н Доймеланд-старший как служащий городского управления Берлина был в обязательном порядке застрахован от несчастных случаев на производстве (см. п. 10 решения).

Для работников частных фирм организациями, отвечающими за страхование от несчастных случаев на производстве, являются профессиональные

союзы, фонды которых образуются из частных взносов работников; размеры взносов зависят от величины зарплаты страхуемого лица и вероятности наступления несчастного случая.

В Берлине служащие этой земли застрахованы Управлением страхования от несчастных случаев на производстве — публичным органом, который находится под непосредственным контролем властей земли и финансируется главным образом за счет средств бюджета земли, т. е. государственных средств, а оставшаяся сумма покрывается за счет взносов некоторых государственных предприятий. Наличие договора найма единственное условие появления права на страховку, и г-ну Доймеланду-старшему не надо было платить никаких страховых взносов.

4. Я делаю вывод — в силу отсутствия зависимости от профессиональных ассоциаций, и, наоборот, наличие связи с публичным учреждением, находящимся под непосредственным контролем земли, и финансирования страхования от несчастных случаев на производстве главным образом из бюджета земли, — что применительно к данному случаю нельзя говорить об определении “гражданских прав”, поэтому статья 6 не подлежала применению, и следовательно, не была нарушена.

### СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ПЕТТИТИ И РУССО

Мы голосовали вместе с большинством за применимость статьи 6, нарушение которой имело место. Решающее значение для нашего голосования имели преобладание характерных черт гражданского права и последовательность самых разных исков, предъявленных членами семьи Доймеланд.

1. Начало делу положил несчастный случай на улице, от которого пострадал г-н Доймеланд-старший. То обстоятельство, что ему были или не были предоставлены пособия как жертве несчастного случая на производстве, по пути на работу или с нее, не меняет природы спорного права. Ущерб, причиненный в результате несчастного случая, мог бы повлечь спор о гражданской либо уголовной ответственности с гражданско-правовыми последствиями для собственника здания, неочищенный снег на тротуаре, перед которым вызвал падение г-на Доймеланда-старшего.

2. Основной спор касался возможной причинно-следственной связи между несчастным случаем по дороге с работы домой (если трактовать происшедшее как несчастный случай на производстве) и смертью г-на Доймеланда-старшего. Будучи установленным, это влекло бы за собой начисление дополнительных лет выслуги за время, прошедшее между несчастным случаем и датой смерти, что, в свою очередь, увеличивало бы в определенной степени пенсию по возрасту, получаемую г-жой Доймеланд. На карту была поставлена не дополнительная страховка, а основание для расчета пенсии.

3. Еще одну характерную для гражданского права черту можно встретить в процессуальном моменте, — доказательства статуса наследника г-на Доймеланда-младшего.

4. К владельцу здания мог быть предъявлен регрессный иск о возмещении причиненного ущерба в результате перехода к Управлению страхования от несчастных случаев на производстве прав г-на Доймеланда-старшего

и в этом случае речь шла бы о гражданской ответственности. Использование права на иск к собственнику здания зависело от заинтересованных лиц. Окончательный отказ Управления мог бы повлечь другой спор о гражданско-правовой ответственности. Все эти черты — право регресса, отказ от использования прав, осуществление права на предъявление иска — являются характерными для гражданского права.

Суд отнес неоправданную длительность разбирательства главным образом на период установления причинно-следственной связи и вытекавшими отсюда последствиями, а не к первой стадии спора, где речь шла о том, следует ли классифицировать несчастный случай, происшедший по дороге с работы домой, как несчастный случай на производстве.

Дело Доймеланда не затрагивает, с нашей точки зрения, действующей в Германии системы разрешения споров по социальному страхованию применительно к несчастным случаям на производстве. Интересная полемика — о ней хорошо рассказано в особом мнении меньшинства — в ходе подготовительных работ в ООН и в Совете Европы в связи с толкованием формулы “гражданские права и обязанности” не является решающей для оценки настоящего дела с учетом его особых обстоятельств и преобладания в нем черт частного права, описанных выше.